

ЛИШНЯЯ

ЛИНА
ЛЕМАНН

в его семье

Лина Леманн

Лишняя в его семье

<https://litres.ru/74207024>

Аннотация

- Я презираю таких людей, как ты! Надменных, самовлюбленных, наглых! - выпалила я. - А я ненавижу конкретно тебя. Потому что ты, - он делает шаг в мою сторону, вынуждая попятиться, - невыносимая. - Он снова шагает вперед, а я снова пасую, не ожидая такого напора, - слишком правильная, - цедит он. Я прижимаюсь спиной к стене, которая оказывается невыносимо холодной. - Маленькая зараза. - Всё сказали? - доносится голос тренера. - Теперь продолжаем. Соревнования сами себя не выиграют. .

Он: У моего персонального ада голубые глаза. Я должен терпеть ее в своем доме и видеть в ней образ человека, которого ненавижу. Но только она может помочь мне в достижении моей цели.

#от ненависти до любви

#герой гад, героиня лапочка

неидеальные герои

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	60
Глава 13	65
Глава 14	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1

— Нет, Кирилл, мы не можем ее просто так здесь оставить! Не можем отдать в детский дом!

Чьи-то холодные руки касаются моих застывших предплечий, как будто мне кидают спасательный круг. Только протяни ладонь, вот же он, совсем близко. Только коснуться, и спасение неизбежно.

Но я сижу без движения.

— Ее родители живы! И что мы им скажем, когда они очнутся? Ну же, Кир, это же и твои друзья тоже!

Кто-то тяжело вздыхает. Так вздыхают люди, которым очень не хочется сдаваться под тяжестью обстоятельств, но придется.

— Нина, — меня дергают за плечо. Трясут. Больно.

Меня окружает туман, в него зачем-то вторгаются другие. А я не хочу... Оставьте меня в покое!

— Нина! — голос попадает в уши, разносится по мозгу и затухает в глубине.

— Тетя Лиза? — разлепляю пересохшие губы.

— Вставай, девочка, нам пора ехать. Давай же! Кир, что стоишь? Помогай.

Меня подхватывают под руки и отрывают от железного стула. Не успеваю моргнуть, как больничный смог разряжает чистый воздух. Затем в нос ударяет сладкий химозный за-

пах Бабл-гам. Включает музыку, и это джаз, который обожает отец. Или обожал?

Как больно! Внутренности объаты огнем, тяжело вздохнуть. Кажется, еще движение — и сгорю.

— Скоро будешь дома, моя девочка, очень скоро!

Дом? Наша уютная зеленая лофт-квартирка на последнем этаже многоэтажки? Там — дом.

За запотевшим окном не город. Я вяло стираю рукавом легкой куртки конденсат. Смазанные очертания приобретают форму елей. Мы едем не домой.

Машина останавливается. Под ногами снег и пестрые ленты от хлопушки. Они похожи на мертвых змей.

Дом помню смутно. Незнакомый. В бежевых тонах.

Мы поднимаемся по лестнице. Три шага — поворот. Еще два — открывается коричневая дверь.

— Это твоя комната, милая, — меня навязчиво толкают вперед. Пахнет древесиной и хвоей. Комната чужая, в ней кто-то живет.

Я прохожу к кровати. Она широкая и на ней шоколадно-коричневое стеганое покрывало. Падаю на него. Мягко. Пахнет морем и хвоей. Засыпаю.

Просыпаюсь. Пахнет морем и хвоей. Это не моя комната! Где я?

В голове трезвонят колокольчики воспоминаний.

Первое января. Мы едем на заснеженной загородной до-

роге. Куда? Не помню... Внедорожник на противоположной полосе резко идет на обгон. Папа успевает среагировать в последний момент. Крутит руль в сторону. Наша арендованная машина уходит в занос. Кружит по дороге как в карусели, а я вижу как в замедленной съемке приближение канавы. Один. Два. Три. Прыжок. Ощущение невесомости. Наша машина срывается в кювет, снова подпрыгивает, и мир делает кульбит.

Грохот. Картинка перед глазами остается ногами кверху, а ремень безопасности больно впивается в плечо и живот. Кто-то кричит. Наверное, я. Лица родителей утонули в белых подушках безопасности. Зову их — они не реагируют. Пахнет жженой резиной.

Дальше появляются незнакомые люди. Говорят что-то ободряющее. Сигналы. Никогда не думала, что служба спасения приедет за мной. За другими — пожалуйста. Но не за мной или за моими близкими.

Суровый мужчина пытается говорить ласковые слова, пока борется с застежкой моего ремня. Снова ощущение невесомости. Я кричу. Меня ловят.

Очень холодно. Меня вытаскивают на улицу. Страшно. Сине-красные мигалки. Сирена скорой. Я в ней. Ко рту прижата маска, больно сдавливающая кожу.

Когда приезжаем в больницу, я чувствую себя лучше. Все внимание персонала переключается к родителям: их привезла другая бригада. Они еще живы. Искалечены. В коме.

Меня бегло осматривают. Жить буду. Оставляют в коридоре. Сажу у операционной.

Тетя Лиза. Пахнет ирисами и апельсином. Она приехала за мной.

Стало быть, я в ее доме.

Чья это комната?

Переворачиваюсь на спину. Обвожу взглядом помещение. Многочисленные кубки стоят на полках до самого верха. Высокие потолки заканчиваются деревянными перекладинами. Интересно, как до них достают? Даже стремянка, и та не поможет. Я слышала, что тетя Лиза живет в богатом загородном доме своего мужа дяди Кирилла. Я его видела пару раз в жизни: обычно он слишком занят, чтобы бывать на наших семейных вечеринках. Тетя Лиза приезжала одна.

На мне лежит белое пухлое одеяло. Оно пахнет хвоей. Падаю в сон.

Встаю, чтобы почувствовать собственное тело. Ноги держат, руки целы. Непослушные, конечно, но это поправимо.

Выхожу наружу из своего убежища. Дом большой, можно и потеряться. Иду на звуки. Вниз.

За столом сидит дядя Кирилл, пьет из маленькой чёрной чашечки без рисунка и посматривает на часы. Не знаю, сколько сейчас времени, но, кажется, утро: в длинном окне виднеется темно-серое небо и тусклые фонари.

— Нина? — мужчина выглядит растерянным. — Ты чего не спишь? Рано же.

— А вы? — бесцветно произношу я.

— Так на работу пора. Сейчас только дождусь дочь и едем.

Я спускаюсь к нему. Все же стоять на лестнице, когда ноги едва держат, плохая идея. А стоять без дела попросту глупо. Хотя что делать внизу, я не имею ни малейшего представления.

— Я привыкла рано вставать, — зачем-то говорю я, ибо тишина становится весьма тягостной.

— Ясно, — лаконично комментирует дядя Кирилл.

Вовремя я спустилась: по лестнице ураганом проносится большая пушистая собака.

— Керли, а ну стоять! — рывкает девичий голос весьма не женственно. Наверху появляется симпатичная девушка с длинными каштановыми волосами примерно моего возраста. Кажется, тетя Лиза говорила, что у её мужа есть двойняшки от первого брака. Сын и дочь.

— Валерия, потише, Лизу разбудишь, — предупреждает дядя Кирилл. Девушка насупилась, атмосфера накалилась за пару секунд.

— Я лучше пойду, — пищу я и побежала к лестнице, протиснувшись между стеной и возмущенной девушкой.

Она оценивающе пробегается по мне взглядом, а в спину летит скептическое:

— Так это она?

Не знаю, что имеется в виду, я с трудом нахожу комнату и ныряю за спасительную дверь. Вновь пахнет хвоей, я немно-

го успокаиваюсь. Прижимаюсь спиной к косяку и делаю равномерные дыхательные циклы, как учил папа. Это всегда помогает справиться с наступающей паникой.

Наверху сижу до вечера. Кто-то стучится ко мне в дверь, но я всем отказываю. Лишь наблюдаю лежа, как за окном расцветает день, затем плавно переходит в ночь.

В доме стихают все звуки. Я бы сидела дальше в своем логове, но вязкость в голове только усиливается, а руки начинают подрагивать. Нужно поесть, иначе я просто отключусь и не доживу до встречи с родителями. Мобильник как раз угрожающе пищит уже второй час.

Подхватываю заботливо положенную кем-то на стул сумку и ползу вниз, еле передвигая ноги. Теперь, когда тело пережило основной шок, вылезли и повреждения: шею больно поворачивать, колено хрустит, а от груди до пояса жжется кожа, куда врезался ремень безопасности.

Этот дом просто огромный! Сколько тут комнат?

Но кухню с холодильником нахожу, все-таки здесь я уже была. Справа от нее вход и дальше за углом просторная гостиная с панорамными окнами.

Желудок урчит, исходясь спазмами. Ладно, потом посмотрю окружающую обстановку.

В большом холодильнике еды много, но практически ничего из меню профессионального танцора. Открываю крышки, вдыхаю ароматы. Тело хочет есть, а мозг привычно тормозит грешные желания. Более того, меня пугает незнакомая

еда. Ведь если редко я могу забить на диету спортсмена, то на свое заболевание — нет.

У меня диабет первого типа и мне необходимо с ювелирной точностью вычислять хлебные единицы потенциальной еды, чтобы ввести необходимую дозу лекарства. Да, многие на этот счет не так беспокоятся, я же хочу спокойно поступить в Московский государственный институт культуры и доказать всем, что с таким диагнозом жизнь с достижениями не заканчивается.

Заморачиваться некогда, мне физически уже плохо. Папа бы отругал за такое халатное отношение к себе. Он у меня профессиональный боксер. Папа...

Сердце сжимается от мысли, что в любую секунду я могу их потерять. Остается только верить, что они у меня бойцы и выкарабкаются. И я должна их ждать. Должна доказать, что я их дочка и достойна нашей фамилии!

А потому, собрав скромный паек из хлеба и сыра, измеряю сахар, затем в темноте на автомате набираю дозу короткого инсулина. Щелчки инсулиновой ручки в темноте кажутся чрезвычайно громкими, словно вот-вот разбудят этот огромный дом и его чуждых мне обитателей.

Жую бутерброд, никого не трогаю. И вдруг раздается шорох. Короткий, буквально на две секунды. В такие моменты кажется, что ты страдаешь слуховыми галлюцинациями на фоне гипогликемии. Все равно напрягаюсь. Страх мелкими иголочками колет кожу.

Может, собака? Она здесь есть.

Затем что-то трещит за окном гостиной.

Волоски на затылке становятся дыбом сами, хотя я не из трусливых. Папа кое чему меня научил, поэтому я, отложив еду, иду на звук, готовая кричать, если вдруг увижу вора. Страх обострил все эмоции, выветривая ненужные мысли. Первое правило самообороны: как можно раньше обнаружить опасность.

Пересекаю коридор за несколько секунд. Все внимание сосредоточено на окнах гостиной. За ними кто-то крадется. Моргаю. Да, там точно кто-то есть!

Но прежде чем я делаю хоть шаг, на мой рот ложится чья-то сухая ладонь, а я сама оказываюсь в коконе из аромата мяты и моря.

— Если хоть звук издашь, убью, — шепчут мне на ухо низкий шелковый голос.

Сердце во мне замерло. Не как у кролика, нет. Как у кобры.

— Вот тварь! — ревет мой пленитель, потому что я умудрилась ловко вывернуться из захвата, зарядив ему между ног. Тем не менее меня успевают схватить за руку и едва ее не заломать.

На его голос мгновенно включается свет, который меня ослепляет, и орет сигнализация. Несколько секунд не могу сфокусироваться на обидчике, тело же приняло боевую стойку. Пользуясь заминкой противника, с силой топчу ему по

ноге, и меня отпускают.

Тем временем через входную дверь вваливается согнутый в три погибели парень, и я не сразу понимаю, что он едва стоит из-за приступа смеха. Почему ему весело?

— Что ты за человек, а? Блин, моя нога, — ворчит стоящий позади меня. Я оборачиваюсь: передо мной стоит еще один парень, потирая ушибленное место. Его голос едва разбираю из-за шума сигнализации.

— Что здесь происходит?! — перекрикивает всех властный голос появившегося на лестнице дяди Кирилла.

Друзья, вот и новиночка :) Будет очень душевно и местами (я надеюсь) весело :) Рада вашим лайкам и комментариям :))

Глава 2

Судя по убийственному спокойствию хозяина этого мини-замка, в дом Гольдманов забрались совсем не воры. И мне становится чуточку легче. Жизнь махом потекла в озябшие пальцы, едва заметно подрагивающие от слабости и стресса.

Стоит выдохнуть, как грозный тон дяди выбивают из меня спокойствие, как шар в бильярде.

Правда, я не знала, что люди могут ТАК рычать.

— Егор!!!

Парень у двери перестает хохотать, едва не подавившись, и зыркает на своего подельника. Я тоже рефлексивно оборачиваюсь на того, кого смачно ударила. Его лицо, обезображенное смазливой красотой и улыбкой дамского угодника, слишком близко к моему, и к своему ужасу, я вижу в нем знакомые черты.

Сигнализация замолкает так же неожиданно, как началась.

— Бать, не ори, а? — отмахивается Егор, прижимает ладонь ко лбу, будто страдает от головной боли. Я ошарашенно перевожу взгляд на каждого присутствующего, удивляясь, что вообще тут происходит? Зачем врывать в собственный дом как какой-то разбойник?

— Денис, куда пошел? А ну стоять! — рывкает дядя Ки-

рилл, спускаясь. И голос у него такой зычный, властный, сама спину выпрямляю.

Краем глаза замечаю быстрое движение руки Егора, как будто он машет кому-то. Успеваю увидеть за окном две движущиеся тени, криво перепрыгивающие через кусты, хотя больше это походит на таран. Наверняка поломали ветки.

Замечает их и дядя Кирилл. Его густые светлые брови сходятся на переносице. В зеленых глазах столько невысказанных эмоций, что стоит Егору или его дружку сказать хоть слово, выльются гневной тирадой и снесут всех присутствующих.

— Что вы здесь делаете? — грозно интересуется дядя Кирилл. Напряжение в воздухе такое сильное, что вот-вот полетят искры.

— А мне что, нужно спрашивать разрешение, чтобы домой прийти? — надменно фыркает Егор, складывает руки на груди, выпрямляет спину. Он на полголовы выше отца, рост около ста восьмидесяти пяти сантиметров. И в кого такой дыldой уродился? — И это еще что за чумачечая в нашем доме? — он кивает на меня, переводя стрелки.

Взгляд дяди Кирилла стреляет в мою сторону, он два раза моргает, как будто вспоминая, кто я и что здесь делаю.

— Сам ты чумачечий, придурок, — с вызовом бросаю я и складываю руки на груди, выпрямляю спину, чтобы казаться выше. Правда, приходится задрать голову, чтобы посмотреть в нахальные глаза цвета ртути.

— Тихо, всех перебудите, — рывкает хозяин дома.

— Уже, — сладко произносит Егор и игриво машет стоящим наверху лестницы тете Лизе и Валерии. Те зло запахи-вают халаты и исчезают за углом.

Дядя указывает за лестницу:

— Идемте в мой кабинет, нечего цирк устраивать.

— Нечего было ключи забирать от этого сарая, чтобы я мог приходить в любое время, — парирует Егор. Их взгляды с дядей перекрестились, как лазерные мечи из “Звездных войн”. Неловкое движение — и филигранно у кого-нибудь отсекут голову.

— Нечего было устраивать здесь вечеринки, — отражает удар дядя. Смеряет, проходя мимо, Егора и его друга таким взглядом, что у меня холодок по коже проходит.

Денис сдастся первым и шагает следом. Егор же, прежде чем двинуться вперед, окидывает меня с головы до ног снисходительным взглядом.

— То есть Лере можно своих сумасшедших подружек на ночь оставлять, а мне нельзя?

— Рада, что ты признаешь своих друзей такими же сумасшедшими, это же ни капли не оскорбительно, — скалюсь я. Спина Дениса на мои слова распрямляется.

Дядя останавливается и, тяжело вздохнув, правда, мне непонятно почему, и как будто нехотя произносит:

— Это не Лерина подруга.

— А кто же? — в ртутных глазах появляется мимолетный

интерес.

— Меня зовут Нина, — чеканю с вызовом. Егор равняется со мной. Он выше на полторы головы и кроме смазливой внешности, на его лице отпечатано превосходство над всем миром. Я таких терпеть не могу. — Нина Лисовская. Советую запомнить это имя.

— Даже не потружусь сделать это, — шепчет он, наклонясь преступно низко. У меня дыхание перехватывает от возмущения от такого высокомерия.

Егор проходит мимо меня, едва не задев плечом. Я рефлекторно отклоняюсь, а он тихо смеется. Огибает отца, идет к кабинету первым.

Зато Денис стоит и ошарашенно на меня глазеет, словно перед ним древнее ископаемое.

— Дочка Павла Лисовского?

На его слова Егор порывисто оборачивается, взглянув на меня еще раз. Только теперь вместо снисхождения в его глазах читается презрение, и он произносит, нет, выплевывает, ровно ту же фразу, что и его сестра утром:

— Так это она?

Глава 3

Егор

Хрена с два еще раз послушаю Денчика и появлюсь в этом доме. Теперь придется с полчаса слушать нотации отца о нравственности и прочей лабуде. Стою перед ним как провинившийся школьник перед директором. Не хватало только, чтобы он погрозил пальцем и пообещал немедленно позвонить родителям. Хотя вот беда. Он и так директор, и я его дорогой сынок.

И вообще. Три часа ночи, он должен спать, а я веселиться с друзьями. Зачем мы попусту тратим время друг друга?

— Пошутили и в сторону. Когда ты вышвырнешь эту девицу из нашего дома? — без обиняков сухо вставляю я, когда отец делает паузу. Выдохся за двадцать три минуты и десять секунд. До рекорда далеко.

— Она поживет здесь еще какое-то время, — шокирует меня отец.

Я подавился воздухом. Нет, он не может говорить такие вещи серьезно.

— И зачем? У нее что, дома своего нет?

— Денис, ты можешь быть свободен, — произносит батя тоном, обещающим мне все круги ада.

Дружбан понятиливо ретируется к двери.

— Я тебе позвоню, малыш, — бросает он мне с нахальной

улыбкой победителя по жизни.

— Иди к черту.

Денис хочет показать мне средний палец, но все же стесняется отца и сбегает, крысеныш, хлопнув дверью. Я же тихо шлю его матом. Так надежнее.

— Егор!

— Да-да, отец, я тебя слушаю, — вздыхаю так же демонстративно устало от жизни, как батя. — Зачем этой несчастной жить с нами? Здесь? Сам-то ты как согласился? Решил избавиться от Лиззи?

Пытаюсь поддеть отца, дабы разразилась наша типичная пикировка, но он выглядит суровым и моя попытка его не развеселила. Ему не идет быть настолько серьезным, у меня сразу же возникает ощущение, что я в школе и налажал в очередной раз.

— Она и правда несчастная девочка, Егор, — отстраненно признается отец. Идет к шкафу, закрытому уже несколько лет, гладит дверь. Хорошо, что он не знает, что его коллекционной выпивки там давно нет, иначе мне бы снесли голову. Не, ну вообще-то таким образом я спас его от необдуманного шага, о котором он потом точно пожалеет.

— Почему же? Не записалась на маникюр вовремя? — демонстративно утыкаюсь взглядом в огромную картину с зимним лесом на противоположной от шкафа стене.

— Издеваешься. А у Паши с Кристиной серьезные проблемы. Они в больнице.

Жуть.

И я бы проникся больше, но...

— Па, нам с тобой разве есть дело до этой семейки? Их проблемы, не повезло, бывает, надо быть внимательнее за рулем.

Оборачиваюсь к отцу, который оставил зомбирование заветной двери, и теперь стоит лицом ко мне, широко расставив ноги. Его многие боятся. Все же директор одной из самых престижных частных школ города, заседает в комитете и умудряется генералить издательство учебной литературы. Еще он вроде как пишет научные статьи и много всего умного. Сам он тоже мужик умный, иногда даже слишком. И этот его вечно работающий мозг отложился на лице морщинами, делая его старше своих сорока лет.

Мой вопрос заставил отца молчать. Он насупился еще больше, раздумывая, как бы мне покрасивше объяснить, почему он вдруг прогнулся под Лизу.

— Их проблемы, не повезло, бывает, — продолжаю давить. Мне не нравится, что эта девица будет расхаживать по моему дому. — Бабки, дедки явно есть, пусть они и заботятся.

— У Нины только одна живая бабушка, и та в Испании. Переправить ее туда будет сложно вот так быстро. А Лиза ее крестная.

— Блин и что? Хоть какой-то крестник общается со своим крестным? Я даже не помню, кто у меня! — этот разговор

начинает меня бесить. На месте отца я бы выкинул эту Нину со всеми ее проблемами прочь из нашего дома. Этот дом — последнее место на земле, где ей стоит жить.

— Для Лизы это важно.

— Ну ты и каблук! Для Лизы важно! А для тебя нет? — в несколько широких шагов пересекаю кабинет и равняюсь с отцом. Заглядываю в его глаза в надежде увидеть проблеск плохо сдерживаемого гнева, но увы. Он спокоен как удав. Меня передергивает от отвращения. Опять делает вид, что все в порядке. Все-таки он не поверил мне тогда. Жаль.

— Я все сказал. Нина будет жить в этом доме. Если для Лизы эта девочка так важна, если она считает ее своей духовной дочерью, значит так буду считать и я. Мы семья и от семьи не отказываемся.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не расколошматить кабинет, не разбить монитор компьютера или снести ненавистную отцовскую картину. Меня распирает от ярости, сжимает внутри, выворачивает.

— Значит я тоже буду жить здесь, папочка. Мы же семья, а семья должна быть рядышком, — цежу я.

Не дослушав ответ отца, разворачиваюсь и покидаю кабинет, от души хлопнув дверью.

Что же, дом, милый дом, я вернулся.

Глава 4

Испытав очередное разочарование в отце, я быстро поднимаюсь по лестнице. Настроение веселиться пропало напроочь. А жаль, у нас были такие планы!..

Пишу Дену короткое сообщение: “отбой”.

Следом надо бы написать Татьяне. На нее у меня были самые большие планы. Сейчас я так зол, что выдать нечто смазливо-ванильное не получается, поэтому набираю: “Завтра в восемь”.

Оба шлют мне грустные смайлы. Блокирую телефон. Вот вообще нет настроения их слезы-сопли читать. То же мне проблема мирового масштаба случилась.

Вот у меня да, проблема. Жить под одной крышей с этой девицей нет никакого желания. Семья мы с ней, значит. Ну-ну. Я и до этого не был в восторге от этого слова, а теперь оно потеряло для меня любой смысл. Пусть и для нее потеряет, раз заявила сюда.

Желаю ее матери поправиться, забрать дочурку и катиться на все четыре стороны. От нас подальше, в свой зажопинск, откуда они приехали на праздники.

С этими мыслями залетаю в собственную комнату. Даже в темноте отмечаю, что обстановка осталась та же, и за три месяца моего отсутствия никто не приватизировал территорию. Хотя где-то в этом здании я чувствую себя дома. По-

этому привыкать жить за городом будет не так тяжело. А еще скоро я получу права и смогу гонять легально.

Падаю на кровать. Время придумать план по устранению девчонки, да поспать. Жизнь я ей устрою самую несладкую, научу уму-разуму. Уверен, от такой семьи она сразу же сбежит.

Вдруг осознаю, что стало тихо. Как будто был шум воды, а теперь нет. Занятно.

Вот дурак, как же я мог не заметить под дверью в ванной полоску света?!

Значит, оккупация моей комнаты все же произошла.

Ну, тем и лучше. Все же места, куда попала эта девчонка, еще саднили. Сейчас представится прекрасный способ отомстить.

Прячусь под одеяло на противоположной от ее вещей стороне: все же я заметил расческу на тумбочке и зарядку для телефона. Более того, она оккупировала именно привычную мне половину кровати! Но ладно. Матрас у меня широкий, поместимся.

Девчонка на собственную глупость выключает свет и выныривает из ванны. Слышу тихие шаги. Она не идет к кровати сразу. Стоит какое-то время в том конце комнаты. Задерживаю дыхание: а вдруг заметила? Вдруг позовет отца, и на меня выльют новую порцию скандала.

Но нет. Я чувствую, как прогибается легонько кровать на той стороне, как будто девушка совсем ничего не весит.

Теперь я готов, что от неожиданности она может меня ударить, поэтому решаю напасть со спины, выпрыгнув из-под одеяла и схватив ее за талию. Жаль, ничего не вижу, придется действовать на ощупь. Да и душно так, мрак.

Лисовская, Лисичка, игра начинается.

Придет серенький волчок...

— ... и укусит за бочок!

С этими словами я хватаю ее. Она взвизгивает громче лубой сирены.

— А-а-а!

Слепо замахивается. Каким-то образом кровать становится легче, я ржу, наконец скинув одеяло. Так смешно, что я не в силах остановиться. Поэтому пропускаю, когда мне по лицу прилетает подушкой.

— Придурок! — кричит она, яростна лупя меня куда попадет.

— Не кричи, разбудишь всех, — выдавливаю сквозь смех и хватаю длинную подушку с одного конца. Резко разворачиваюсь, чтобы увидеть Нину в профиль.

Ее глаза пылают от ярости, она освещает мне темноту. Хотя лунный свет это тоже делает. А потому я могу увидеть валяющееся в ногах девушки белое полотенце из моего шкафчика. Если бы не массивная длинная подушка, я бы увидел нечто интересное.

— Оу, — роняю я глумливо, окидывая взглядом виднеющиеся мне худые ножки и изящные голые плечи с выпираю-

щими ключицами. Разве что длинные русые волосы немного прикрывают тело.

Нина быстро понимает свои ошибку, с недюженной силой выхватывает подушку, прикрывается ею, зябко оглядываясь, нет ли позади зеркала. И откуда в маленькой девушке столько силы? В ней росту метра полтора с кепкой. Кнопка, а не человек.

— Отвернись! — требует серьезно. Из большущих глаз вот-вот польются слезы обиды, и я мысленно себе аплодирую. Плюс один в мою пользу.

— Еще чего. Что мне за это будет? — нахально интересуюсь. Ножки, к слову, ничего. Коротковаты только, а так вполне себе рельефные.

— Что хочешь! Отвернись же! — рывкает она злобно. Голос у нее еще детский, звонкий. Ее просто невозможно воспринимать серьезно. Так и тянет успокоить, как маленькую.

— Ловлю на слове, Лиса.

Послушно отворачиваюсь. Нина шуршит по полу, тихо “блинкает” и наконец затихает.

— Можно? — лениво интересуюсь, оборачиваясь. Она стоит при параде у двери и сжимает сумочку. — Ты куда собралась?

— От тебя подальше! — уже порывается покинуть мои апартаменты, но я ее останавливаю:

— В доме нет больше свободных комнат.

Она замирает. Представляю, как у нее все вспыхивает

внутри. Сжигает от неспособности как-то повлиять на ситуацию. Оборачивается, в темноте только глаза блестят.

— Ничего, на диване посплю. Он точно есть.

Гордая.

— Да ладно, оставайся здесь, кровать большая, — активно хлопаю по месту, где сидела она раньше, как будто собачку подзываю. Кстати, а это идея! Припомню ей завтра утром.

— Ненавижу, — цедит она и захлопывает дверь с той стороны.

Глава 5

Нина

Самосожаление придется отложить. У нас намечается война!

Проклиная Егора на чем стоит, спускаюсь вниз к широкому кожаному дивану. В гостиной прохладно, панорамные окна ничем не занавешены, и я чувствую себя на виду у всего мира. Чем тетя Лиза думала, поселяя меня в комнату этого чудовища?

Падаю на диван, который неприятно холодит кожу и поскрипывает в такт моим движением.

Козел! Урод! Придурок! Ненавижу!

От собственного бессилия завожусь еще сильнее. Может, уговорить тетю Лизу, чтобы я вернулась в родной город или хотя бы переехала жить в отель? Вот только увижу ее утром... Все скажу!

Близость с кухней будит меня, а потом на лицо прыгает здоровенная пушистая туша, пахнущая собакой. Я едва не затыхаюсь от обилия шерсти и поливаемой меня слюной.

С трудом отпихиваю собаку. Тяжелая! Сажусь на диване и перевожу взгляд в сторону дребезжащей кофемашины. Возле нее стоит Валерия и невозмутимо делает себе завтрак. Раздается хлопок: это она с силой закрывает дверцу холодильника. Выглядит девушка хорошо: длинные светлые во-

лосы с розовыми концами убранны в высокий хвост, на ней отглаженная белая рубашка, такого же цвета миниюбка и плотные колготки. Пахнет яичницей.

— Доброе утро, — бормочу я и, осознав, что голос сел от ночи на холодном диване, откашливаюсь.

Валерия поднимает на меня глаза, в них нет удивления. Видимо, она меня заметила. Уж не специально ли она шумела?

За ее головой замечаю часы. Шесть тридцать утра.

— Ага, — отзывается она и отворачивается, переключая внимание на завтрак.

И все, больше никакой реакции. После трех часов сна анализ работает туго. Потираю глаза, чтобы взбодриться.

— Нина, милая, что ты здесь делаешь? — по лестнице быстро спускается тетя Лиза, как всегда красивая и одетая с иголочки: на ней костюм цвета бургунди и белая рубашка. Волосы убраны в небрежно-красивую кичку. Подтянутая, спортивная. Лиза, как и моя мама, не выглядят как женщины, перешагнувшие рубеж в сорок.

— Эм... — я развожу руками. Остыв, я думаю, что жаловаться в первый же день пребывания в новом доме некрасиво.

— Так Егор остался сегодня дома на ночь, я слышала, как он спорил с отцом под моей дверью, — говорит Лера равнодушно.

— Почему же ты не пошла в гостевую спальню? — озада-

ченно спрашивает меня тетя Лиза.

— А она есть?

В жизни бы не стала ночью шараться по дому в поисках свободной комнаты.

— Ох девочка! — тетя подходит ко мне, обнимает крепко. От нее пахнет моими любимыми духами от Шанель, нежным цветочным ароматом.

— Почему вы меня сразу туда не поселили? — спрашиваю, стараясь не злиться. — Или почему туда не пошел Егор?

— Дело в том, что гостевая спальня находится вон там, — тетя указывает на дверь слева от кухни. — Мы утром обычно шумные, поэтому можем разбудить того, кто там спит. Егор съехал еще летом, его комната на втором этаже, и я не думала, что какое-то время, если ты там поживешь, станет проблемой.

— А я говорила, — вставляет Лера.

— Странно проектировать гостевую спальню рядом с самыми шумными комнатами, — произношу я. — Тот, кто проектировал этот дом, странный.

Лера сильно напряглась, даже перестала огурцы резать.

— Ну, этим странным человеком была моя мама, — холодно цедит она, глядя на меня с презрением.

Тетя только губы поджимает. С учетом того, что она модный фотограф, очевидно, что Лера мамой ее не называет. Хотя Лиза появилась в ее жизни с пяти лет.

— Извини, — произношу я, чувствуя неловкость.

— Ничего, вечером помогу тебе переехать, — пытается разрядить обстановку тетя.

Лера тем временем кладет со сковородки всю яичницу и с чашкой кофе идет за стол. Завтрак она приготовила только для себя.

— Теть Лиз, мы можем поговорить? — прошу я.

Женщина смотрит на часы.

— Это не может подождать до вечера? Мы должны выехать через пять минут, а я еще не глотнула кофе. Лер, ты не сделала мне?

Лиза оглядывается на кофемашину, но там ничего нет. На лице женщины недовольство мелькает лишь на секунд, и она бодрым прыгучим шагом направляется сама к агрегату.

— Будешь кофе? Можешь поговорить, пока оно делается, — извиняющимся тоном говорит тетя. — Извини, никак иначе не успеваю. Сегодня у нас важная фотосессия.

Я выгибаю бровь.

— У Леры будет фотосессия для бренда молодежной одежды, — поясняет Лиза. — Увы, иной возможности, кроме как на выходных, не было. Так что ты хотела?

— Может, я вернусь домой? — пытаюсь перекричать шум кофемашины, а это значит, что меня услышит и Лера. Почему-то совсем не хочется, чтобы она меня слышала.

— Почему? — тетя искренне удивляется. — Да и это исключено. Я давным-давно, еще в день твоего крещения, обещала Паше и Кристине, что позабочусь о тебе, если с ними

что-то случится. Мы даже официальную бумагу составили тогда. Тем более отпускать тебя на поезде домой, еще и зимой! Нет, извини.

Лиза быстро выпивает чашечку маленького эспresso, морщится, хлопает меня по плечу.

— Но...

— Обсудим вечером. Лера, идем, мы уже так опаздываем! — тетя кладет чашку в раковину и бодрым шагом идет к входной двери. Лера, дожевав, тоже бросается следом за ней, подхватив сумочку со стула. Такую же белую с логотипом знаменитого элитного бренда.

И что мне теперь делать? Злость на Егора только усилилась. Сам-то он не пожелал спать в неудобной комнате, чтобы не разбудили его царское величие. Но мне мог бы сказать, я бы не спала на диване.

Ух! Как теперь дожить до вечера?

Глава 6

Мистер Кошмар обнаруживается не где-нибудь, а рядом со мной, на кровати в гостевой спальне, куда я перебралась сразу же после ухода тети Лизы и уснула.

Вот я открываю глаза, и тут он! Распластался, заняв почти все место, и что-то листает в модном мобиле-лопате, тихо посмеиваясь. Волосы модной прически растрепаны, и это выглядит мило, по-домашнему. Белая футболка и серые спортивные только добавляют уюта. Я бы, может, и оценила бы, но не в собственной постели!

— Что ты тут делаешь?! — восклицаю и резво откатываюсь на самый край кровати. Хочу быть от него как можно дальше!

— Доброе утро, сестренка, — радостно сообщают мне, скалясь фирменной улыбкой из рекламы стоматологии.

— У тебя зубы свои или импланты? — задумчиво произношу, специально разглядывая зубы Егора. Он нахмурился лишь на секунду, спрятав оскал.

— В смысле?

— С твоей привычкой неожиданно заявляться в чужие кровати, их так и тянет пересчитать, да не досчитаться.

До Егора доходит быстро. Его глаза гневно блестят, зато губы снова растекаются в сладкой улыбке.

— А ты смешно шутишь.

— А я не шучу, — фыркаю я и слезаю с кровати, только чтоб быть от него подальше. Благо что на мне все та же вчерашняя одежда, позировать перед ним голышом я больше не намерена!

— Послушай, мы не с того начали.

— Зато уже закончили. Как только тетя Лиза вернется, я поговорю с ней, куплю билеты и мигом уеду из этого дома! — в сердцах восклицаю. Мне нужно время, чтобы пережить собственное горе.

— То родителей навещать ты не собираешься?

Вопрос Егора западает прямо в сердце. Хочется прострелить парня взглядом, стереть это утро как ластиком. Егор все знает и так гнусно себя ведет?

— Вдруг им что-то понадобится? — продолжает добивать он. Слезы жгут глаза. Понадобится? Они в коме! От черствости этого человека хочется выть, но я не доставлю ему подобное удовольствие.

Хотя, может быть, он наоборот надеется, что они вот-вот поправятся?

Эта мысль остужает. Я сжимаю кулаки. Это помогает собраться в кучку из бесполезной лужицы девочки-истерички. Может, Егор и не такой гад.

— Что ты предлагаешь? — сцепив зубы, интересуюсь, стоя у кровати.

— Ты можешь переехать в мою спальню, — щедро предлагает Егор. Неужели он только на одну ночь здесь останав-

ливался? Очень на это надеюсь!

Встает, быстро пересекает расстояние между нами и встает рядом, взирая на меня свысока. В его черных глазах сложно что-то прочесть, они пугают меня и завораживают одновременно. Егор широкоплечий и закрывает весь обзор комнаты. Сейчас он пахнет мятой, океаном и чем-то еще, что не могу уловить.

— А ты? — почему-то сипло произношу я пересохшими губами и облизываю их. Все мысли вылетели из головы, словно перепуганные птицы.

— И я там останусь. Будем делить одну постель на двоих, — томно шепчет Егор, наклоняясь низко и проводя шершавыми пальцами по моей щеке.

Видимо, он забыл, что мне знакомы навыки самообороны, да и я о них забыла от возмущения. Вместо этого я чисто по-женски замахнулась, чтобы залепить ему пощечину.

Егор удивляет меня своей реакцией, успев перехватить руку в последний момент.

— Ай-яй-яй, — цокает он языком и очень пристально смотрит мне в глаза, точно змей-искуситель. Более того, он медленно проводит большим пальцем по внутренней стороне предплечья, чем окончательно выбивает меня из колеи. Внутри разбегаются тысячи мурашек, словно его прикосновение мне приятно.

— Ты последний человек, чью постель я буду греть! — возмущаюсь открывшемуся факту, нежели его словам, и вы-

рываю руку. Егор не держит, только ухмыляется, что злит меня еще больше. А вот в глазах его уже нет веселья. Там спряталось что-то темное.

— Девочка-припевочка, — передразнивает он. Я вспыхиваю и спешно покидаю комнату, не оглядываясь.

На кухне за барной стойкой сидит дядя Кирилл и что-то читает в телефоне. В его ногах дремлет большой белый пес. Поскольку в этом доме для меня нет места, а злость деть куда-то надо, я быстро предлагаю:

— Вы завтракали? Я могу что-нибудь приготовить.

Мужчина удивленно вскидывает брови.

— Нет, а ты умеешь?

Такое ощущение, что ему впервые в жизни предложили еду приготовить.

— Конечно, — пожимаю плечами и отворачиваюсь к холодильнику. Нам нужно блюдо, где очень тщательно нужно что-то месить или отбивать! Желательно об лицо Егора, чтобы стереть это напыщенное выражение с его лица.

В итоге быстренько соображаю нам с дядей на двоих сырники. Уже садясь за стол, вспоминаю, что сумка с инсулином осталась в комнате, откуда так и не вышел Егор. Заходить к нему нет никакого желания, но здоровье важнее.

И, о чудо, он выходит сам!

Я выскальзываю из-за стойки, стараясь не зацепиться с ним ни взглядом, ни словом. Но Егор видит другое.

— Завтрак! — радостно восклицает он и ускоряется.

— Это мое! — рывкаю я ему в спину.

Дядя Кирилл удивленно смотрит то на меня, то на сына. Егор примирительно поднимает руки, дарит мне воздушный поцелуй и, присвистывая, убегает наверх. Как же я его уже ненавижу!

Глава 7

Сижу в гостиной и читаю для вида, исподтишка наблюдая, как медленно пустеет дом. Сперва его покинул Егор, пообещав неизвестно кому, ведь в гостиной осталась только я, вернуться глубоко за полночь. По мне, чем дольше его не будет дома, тем лучше. Потом уехал и дядя Кирилл, сообщив то же. Или он вообще не приедет на ночь? Я пропустила, все же увлекшись сюжетом “Госпожи Бовари”. Главное, что никого не будет целый день, ведь мне нужно время на перезагрузку.

В итоге мы остаемся с псом одни и несколько минут наслаждаемся благодатной тишиной. Мозг просто взрывается от такого шума. В нашей квартире всегда тихо: папа пропадает в зале, мама на съемках.

Решаю наконец залезть в телефон, где свалились в кучу сообщения от девочек из танцевальной группы о произошедшем, звонки с неизвестных номеров и спам. Отвечать хоть кому-то нет желания. Знаю, что девочки волнуются, они читали новости. Возможно, история пронеслась бы мимо них, если бы мой отец не был бы знаменитым боксером Павлом Лисовским, двукратным чемпионом мира, недавно закончившим карьеру. Несмотря на последний факт, некоторые журналисты все еще умудряются следить за нами.

Звоню в больницу, чтобы узнать о состоянии родителей. Меня лихо посылают куда подальше, благо что дали но-

мер телефона отделения реанимации и сказали звонить туда строго с часу дня до двух, лучше по будням. Никакие попытки добиться информации о них самих не помогают. На том конце просто вешают трубку, не дослушав.

На часах нынче только одиннадцать. Четвертое января. Никогда еще новый год не начинался для меня так ужасно. Желание повесить руки, сдаться кажется таким сладким, заманчивым...

Папа учил другому. Мой тренер по танцам учил другому. Я должна собраться.

Уже четыре дня, как я не тренировалась, что непростительно с моими амбициями.

Лучше всего эмоции помогает скинуть танец. В движении рождается истина. Только где? Мне нужно зеркало и, желательно, колонка, хотя динамик телефона тоже подойдет на крайний случай. Едва ли есть подходящая одежда для танца...

Идея!

Я быстро поднимаюсь на второй этаж, со второго раза нахожу свое первое место ночевки. Своей одежды у меня нет: сумка с минимальным набором осталась в искореженной машине. Ее облик предстает перед глазами, я снова ощущаю запах бензина и жженой резины. Пробирает до мурашек, до спазма в груди. Дышать больно, как будто я все еще там, все еще вижу эту картину, слышу мамин крик.

Воспоминания вмиг заглатывают меня в свой ненасытный

океан боли. Опираюсь на стену, пытаюсь совладать с дыханием. Не получается.

Но тут в мою руку тычется холодный нос, и я вырываюсь на поверхность реальной жизни. Керли смотрит на меня умоляющим взглядом и поскуливает. Не знаю, о чем он меня просит, поэтому бреду дальше и с меньшим энтузиазмом открываю дверь в знакомую комнату. Ничего не изменилось, только расстеленная кровать свидетельствует о том, что здесь кто-то был.

В шкафу нахожу то, что мне нужно: яркая красная футболка, убранный в отдельный чехол, со всякими логотипами и спортивные штаны с тремя полосками. Стоит надеть вещи Егора, как меня окутывает его запах вперемишку с кондиционером. Пусть это будет моя маленькая месть покуситься на то, что ему дорого. Не в вещах Лизы мне копать же.

Подвязываю футболку с помощью резинок, найденный на кухне, чтобы получился модный топ, то же проделываю со штанами, чтобы шаровары стали мне по росту. Нахожу свое отражение в зеркале: получилось стиливо, теперь можно потренироваться в хип-хопе. Если займусь сейчас любимым контемпорари, просто расплачусь. А вот агрессивные андеграунд поможет выплеснуть энергию.

Тренировка увлекает меня. Мой зал — их гостиная. Бодрый рэп гремит с телефона, я едва не пропускаю момент, чтобы позвонить в реанимацию. Впрочем, там без изменений: они в коме, состояние крайне тяжелое, прогнозы делать

пока рано.

Поэтому с еще большим рвением отдаюсь музыке. Сердце перегоняет бит, тело выделяет сложные элементы, ловит такт. Я растворяюсь в танце. Только он один дает мне свободу. Только он — направление моей жизни. Я во что бы то ни стало поступлю в МГИК, а потом уеду за границу повышать мастерство и стану крутым хореографом.

Не замечаю, как за окном вечереет. Не замечаю, как Керли побежал кого-то встречать у дверей.

Меня прерывает лишь скупой хлопок ладоней.

— Браво!

Сердце утомленно стучит, пот струится по лицу. Последние аккорды затихают, и только после этого я оборачиваюсь, чтобы встретиться с черными глазами Егора. И троих его дружков, бандой стоящих по кругу от дивана.

Глава 8

Их взгляды жадно изучают мое тело, я это чувствую. Никогда мужчины не смотрели на меня, как удавы на кролика. Черноволосый Денис, который уже был здесь, с холодными серо-голубыми глазами и бледной кожей. Парень с каштановыми волосами и мечтательным выражением на утонченном лице. Рядом с ним среднего роста коренастый качок с бритым черепом и татушками на шее в виде цепи.

И Егор, от яростного жаркого взгляда которого вздрогнула бы бездна.

— Нина-а-а, — предостерегающе протягивает он.

— Что? — невинно хлопаю глазами я.

Вместо ответа Егор перепрыгивает через диван и мигом прикрывает меня своей длинной толстовской, отчего меня окутывает запах мяты и океана.

— Ты как выглядишь, Лиса? — глухо рычит он мне в ухо, закрывает от парней широкой спиной.

— А что такого? — демонстративно округляю глаза и осматриваю себя с разных сторон. — Так, одела первые попавшиеся тряпки.

— Черт-черт, это же футболка, на которой лично расписался Месси! — хихикает один из дружков Егора. Лидершайки зло на него зыркает, и я мельком вижу, как улыбаются все трое.

Ой!

Бравада меня несколько покидает, и чтобы это скрыть, я добавляю, мило улыбаясь:

— Как переоденусь, так сразу постираю, что ли.

Не скажу, что я люблю пристальное внимание к своей персоне, в танцах все же оно необходимо, однако не поддеть Егора просто не могу. Демонстративно скидываю теплую черную толстовку и расправляю футболку, “прикрывая срам” и пряча плоский живот.

— Ну вот! — разочарованно тянет качок.

— Ну зачем, Егор?! — встречает милаш.

И только Денис оставляет все без комментариев.

— Кто ты такая, красав? — интересуется качок в манере восточных зазывал.

— Никто! — отрезает Егор. Стоит возле меня точно скала, никуда отходить не собирается.

Что же, зато я не столб и способна уйти, проигнорировав вопросы. Друзки Егора кажутся мне такими же, как он сам — избалованными мажорами без манер и элементарного воспитания. Адекватные люди как-нибудь известили бы о своем приходе, а не тупо глазели на человека.

На душе каплю легче. Да, вот так, шаг за шагом, я буду вычерпывать океан боли, поселившейся внутри, и ждать, что среди толстый смог пробьются лучи надежды.

Парни внизу устраивают настоящий балаган. Они громко включают рок-музыку, так что стены дома сотрясаются. Я

сперва пыталась читать книжку в телефоне, но потом забросила. Обрушилась бы крыша на их бестолковые головы!

Сама носа больше решила не показывать, вдруг парни напились и позволят себе лишнего? Егорушка, хоть и кажется милым, но глаза-то не обманешь. Он мысленно меня убивает всеми возможными способами при каждой встрече.

Шум смолкает резко, что кажется, будто судьба надо мной смилостивилась, и я оглохла. А через минуту дверь в комнату распаивается, являя мне разъяренную тетю.

— Милая, ты как? — пытается говорить она ласково хриплым от злости голосом.

— Все нормально, — я поднимаю два пальца вверх и искусственно улыбаюсь. Лиза нервно приглаживает выбившиеся из пучка волосы в попытке успокоиться. Она выглядит так, словно подбирает слова и хочет сообщить самую ужасную новость на свете.

— Мы привезли твой чемодан с вещами, еще кое-что я купила в магазине, потому что... — она поджимает губы. — Я не уверена, что что-то из твоих вещей пригодно для носки. Можешь перебрать их, если хочешь... Чемодан в машине. Если тебе тяжело, я пойму.

— Я справлюсь, — отвечаю, сглатывая ком в горле, — и отдам все, что вы потратили. У меня есть деньги.

— Нет, Нина, что ты! Это наш с Киром подарок. Ты можешь рассчитывать на нашу безвозмездную помощь!

— Тогда отпустите меня домой, а? — прошу с надеждой.

Меня тяготит этот город, давит, я вообще не люблю мегаполисы. Даже жизнь за городом не спрячет меня от забитых бетонных коробок.

— Не могу, малышка, не могу могу. Я давным-давно пообещала твоим родителям, — тетя Лиза подходит ко мне, словно хочет обнять. Но ее слова меня разочаровывают, и я холодно выпрямляюсь в кресле, демонстративно отклоняясь назад. — Я понимаю твою злость. Что же. Ты можешь обижаться, сколько хочешь, но все решено. Через полчаса, — она быстро смотрит на массивные золотые часы на тонком бледном запястье, — приедет ужин из нашего любимого ресторана. Я бы хотела, чтобы ты спустилась вниз и мы вместе поели. Всей семьей. Ты для меня родной человек, Нина.

Я сухо киваю. Лиза уходит, тихо прикрыв за собой дверь. Удивляюсь, как люди легко могут раскидываться словом “семья”. Ведь это не просто группка человечков, ютящихся под одной крышей. Нет, это что-то другое. Более важное. И близкое.

Тем не менее правила хорошего тона мама посадила давно и глубоко, поэтому, услышав звонок в дверь, я с тяжелым вздохом спускаюсь вниз.

Все сидят за столом. Дядя Кирилл что-то печатает в ноутбуке, Лиза суется в дверях, Лера с привычным сучьим выражением на лице смотрит в экран телефона, Егор же просто пялится в стол, скрестив руки на груди. И только пес, лежащий возле дивана, реагирует на мое присутствие и бежит ко

мне.

— Теть, давай помогу тебе, — предлагаю дрогнувшим голосом. Очень мне не хочется это делать, особенно когда взгляды брата и сестры летят в мою сторону, как заправленные ядом стрелы.

Всем спасибо за лайки и комментарии :) Мне очень приятно :) Этого жуть как не хватает на старте, отрыва и понимания, что пишешь не зря, что история касается сердечек)))

Глава 9

Егор

Мы собрались здесь из-за нее, отвлекаемся от своих дел, а она мило и неторопливо предлагает помочь накрыть на стол. Все в той же моей уникальной красной футболке и серых штанах, которые едва держатся на тощей заднице. План поесть и разбежаться с каждой секундой промедления этой цыпочки трещит по швам. Даже промелькнула шальная мысль самому все разложить, лишь побыстрее закончить с этим цирком.

Ненавижу чувствовать себя пойманным в клетку!

Хотя какого черта я приперся домой, зная, что отец и Лиза устроят что-то подобное в честь нового члена семьи? Они любят все демонстративно правильное, чтобы завидовали все соседи и друзья. Только нам с Леркой это не нужно. Отпустите с миром, разойдемся по-хорошему на все четыре стороны.

Теперь, проклиная и себя за слабость и неясное желание увидеть Лису, сижу на мягком дизайнерском стуле, буду есть суши и терпеть папин злобный взгляд. Лиза тоже на меня поглядывает украдкой, она терпеть не может, когда на момент ее прихода дома есть пацаны. Потому что мы не умеем быть тихими, а зная, что наверху исходит ненавистью Нина, я хотел себя же переплюнуть. В итоге злобная мачеха

сообщила, что ей уже позвонили соседи. А там вроде прокурорский сынок живет или кто-то вроде него. Нас разогнали, как малолеток. С учетом того, что с Лизой был отец, сценка получилась как в боевике.

Хорошо еще, никто не заметил, что Татьяна и Марго кусты поломали, когда сбегали вчера, поджав трусливые упругие попки.

Нина ловко ставит тарелку перед отцом, тот благодарит с милой улыбкой. Затем на пустые места для себя и Лизы. А к нам идет в последний момент. Побаивается?

Девушка ставит тарелку сперва возле Леры, та отмахивается от нее как от надоедливового официанта. Максимум пафоса в ее жесте и минимум уважения. Даже взгляд не подняла. Так унижать умеет только сеструха.

Затем Нина нерешительно подходит ко мне. Эдакая Золушка на минималках, только вместо кареты папин Бентли, а вместе магической помощи — посудомойка, робот-пылесос и прочие приблуды современной техники.

Когда передо мной опускается тарелка, я аккуратно провожу под столом по шершавой ткани своих спортивных на девичьей ноге. Глажу почти невесомо, но судя по тому, как Нина мгновенно задерживает дыхание, она это чувствует и еще как. Щеки ее тут же алеют, и она спешит выпрямиться, а потому тарелка падает на стол чересчур громко.

— Аккуратнее, — игриво упрекаю ее я, за что получаю гневный взгляд синих глаз. Океан и тот в шторм спокойнее,

чем реакция Лисы на меня. Доводить ее — новый вид кайфа.

— Тебе зубы действительно не дороги, — шипит она. У-у-у, как страшно.

— Крольчонок, тебе не идет быть злокой.

Я украдкой глажу ее по внутренней стороне предплечья, совсем мимолетно, пока никто не заметил. Впрочем, никто — это не про Леру. Она, как орел, замечает все в своем окружении и демонстративно выгибает бровь. *Ты что, флиртуешь? С ней?!*

Дарю сестре хитрую ухмылку. *Ты просто не знаешь, что я задумал.*

Тяжелый вздох. *Это хоть когда-нибудь заканчивалось хорошо?*

Расслабленно откидываюсь на стуле. *Какая разница, чем закончится, если это будет весело в процессе?*

Нина же демонстративно уходит мыть руки и очень тщательно натирает их полотенцем, до покраснения кожи.

— Что же, семья, — голос отца прерывает шальные мысли. Лиза ставит последние коробки с роллами на стол. — Мы сегодня собрались на семейный ужин, чтобы поприветствовать нового члена нашей семьи, Нину. Она будет жить с нами некоторое время, пока не поправятся ее родители. А пока это не случилось, Нина будет учиться в вашем классе, ибо год выпускной и нельзя терять ни минуты. Надеюсь, вы полюбите ее как сестру.

Мы: я, Лерка и Нина, вскидываемся одновременно на от-

ца.

— То есть как в одном классе?! — рычу я и Лиса одновременно. Удивленные одинаковой реакцией, захлопываем рты, глядя друг на друга. Ее пухлые губы дрожат. Я и не замечал, какие красивые у нее губы. Ротик маленький и аккуратный, нижняя губа пухлее верхней. Лицо сердечком, с узким подбородком и высокими скулами. Да, мои парни посчитали Нину красивой, а Тема даже рискнул пусть слюни в моем присутствии, когда девчонка сбежала. Теперь вот хромает.

Лиса отводит глаза первой и с мольбой смотрит на Лизу.

— Я... — начинает она несмело, словно скрывает постыдную тайну. Ну-ка, ну-ка, что тут у нас?

— Окей, — холодно отзывается Лера, откладывая телефон. — Это все? Можно идти?

— Нет, — отрезает отец, на что сестра закатывает глаза.

— Мы надеемся, что вы найдете общий язык, — тоном, который должен сглаживать углы, но не сглаживает, произносит Лиза. — Нам всем нужно держаться вместе. Нина — моя крестница. Она важна мне почти так же, как вы, — взгляд обращен ко мне и к Лере. Я хмыкаю с издевкой. У Лизы краснеют кончики ушей, она встряхивает головой, игнорируя мою реакцию.

— Егор и Лера, я очень надеюсь, что вы поможете Нине адаптироваться в классе, потому как для нее это будет первый опыт, — продолжает отец.

— В смысле? — недоумевает Лера, наконец, заинтересо-

вавшись происходящим.

— Нина никогда не училась в школе, — поясняет Лиза.

Уверен, сейчас Лиза готова провалиться сквозь землю. Но ничего. Наши школьные шакалы будут долго смаковать эту новость!

 **Вот теперь, друзья, мы переходим в график :)
Скорее всего будет 4 проды в неделю, но постараюсь
пять. Как вам герои?**

Глава 10

Нина

Тишина. Тягучая и омерзительная, полная осуждения. На лицах Егора и Леры такие выражения живописные, хоть фоткай и в рамку вставляй. Не доставлю им удовольствие и не буду ничего сама рассказывать.

— Оке-е-ей, — тянет Лера очень и очень медленно, как бы давая мне время для оправдания. В ответ я только складываю руки на груди и вздергиваю бровь с вызовом.

— Так получилось, — миролюбиво замечает Лиза, по очереди глядя на каждого из нас. — Завтра мы поедем к швее, нужно срочно пошить Нине форму. И заодно купить кое-что по вещам.

— Ой, — Егор резко встает. — Я все понял и хочу пойти по своим делам, — он бросает взгляд на часы. — Извините, меня ждут.

Не дожидаясь ответа, парень вскакивает и, подцепив куртку с вешалки, уходит, хлопнув дверь.

— Лера, поедешь с нами по магазинам? — с надеждой спрашивает Лиза. Ее падчерица морщит носик.

— Нет, у меня дела, увы. Ладно, мне тоже пора.

И Лера тоже сбегает из-за стола, а перед нами остается целый стол с роллами.

Дядя Кирилл с хмурым видом накладывает на тарелку се-

бе еду, а я делаю вид, что все в порядке и меня ни капли не тяготит вся обстановка. Через силу протягиваю руки, чтобы пожевать имбирь, хотя кусок в горло не лезет. Лиза сидит, бессмысленно глядя на белую скатерть, витая где-то на своей волне.

— Ничего, привыкнут, — неожиданно говорит дядя Кирилл сам себе. У него желваки играют. Потом он поворачивается ко мне: — А ты, Нина, будь готова, что будет непросто. Школа у нас частная, однако детки учатся богатые. Ты будешь ходить с Лерой и Егором, чтобы тобой не заинтересовалась опека, понятно? Прилично себя ведешь, не отсвеживаешь. Кто знает, что будет, если...

— Они выберутся, — глухо отзывается Лиза. Дядя Кирилл оставляет это без комментария.

Пользуясь случаем, выскальзываю из-за стола и скрываюсь в “своей” комнате. Руки мелко дрожат. Обхватываю себя руками, чтобы согреться. Хотя вроде в доме тепло... От одного слова “опека” в озноб бросает.

Я сильная, я выдержу!

Следующий день я встречаю ранним утром вместе с Лизой. Вдруг выясняется, что мы должны столь многое успеть за весьма короткий срок: и в ателье, и по магазинам пройтись, чтобы купить мне все необходимое. Признаться себе пришлось быстро: вещей у меня почти не осталось, а поехать в родной город, чтобы что-то забрать, всем некогда. У Лизы каждый день съёмки, а дядя Кирилл усердно готовится к но-

вой четверти и приводит в порядок годовые отчёты.

Обо всем этом я узнаю, пока готовлю нам завтрак в благодатной тишине дома. На часах всего лишь восемь, выходной, за окном тихо танцуют грациозные снежинки, а потом оседают зрителями в пухлые сугробы.

Между елей бегают белый пёс, а на парковке стоят два автомобиля. И я понимаю, что впервые с момента аварии мне придётся сесть внутрь осознанно. То состояние транса, когда меня, как мешок, перемещали из одного места в другое, не считается.

Через полчаса, вооружившись огромными наушниками, я стою перед дверью красной иномарки, хрипло выдыхая тёплый воздух. Сжимаю кулаки, чтобы унять дрожь. Руки без перчаток мёрзнут.

— Чего стоишь, Нин, садись, — бодро приглашает Лиза, которая на ходу пытается уложить крупную косметичку в маленькую красную сумочку. В своей белой шубе, хоть и стильной, она напоминает медведя.

Простое сравнение растягивает губы в скромной улыбке, я натягиваю наушники и все же сажусь назад. Нужно просто закрыть глаза и представить, что я в зале.

Вот меня подхватывает бит.

Окутывает музыка...

Я лечу...

— Приехали, — Лизе трогает меня за плечо, выдергивая из эйфории.

Несколько часов мы проводим в ателье, затем еще больше в магазинах. Лиза сперва мне предлагает яркие женственные вещи, которые явно любит Лера, затем нехотя соглашается на базовый приглушенный гардероб и спортивный стиль.

Даже удалось выцепить минутку, чтобы позвонить в ре-анимацию. Там ничего нового.

— Может, в кино? — радостно предлагает раскрасневшаяся Лиза, складывая многочисленные пакеты в багажник машины.

Я пожимаю плечами. Кино так кино. Желания поскорее вернуться в их дом нет никакого желания. Поэтому соглашаюсь на романтическую комедию.

И это становится моей главной ошибкой!

Ладно, что чужие слюни-сопли на экране меня не трогают. А вот чавканье да постанывания на заднем ряду, всего лишь на пару метров выше, очень даже.

Лиза смотрит кино как замороженная.

Я же ерзаю, стараясь не слушать поскрипывания искусственной кожи под чужими наглыми задницами.

Воспользовавшись светлым экраном, оборачиваюсь на парочку.

Меня чуть не вывернуло. Девушка в короткой юбке всасывает язык парня, как будто моллюск из раковины вытащить пытается, а его длинные руки блуждают по ее длинным ногам. Между нами один черный ряд и волна моей ненависти.

На очередной стон я не выдерживаю. Да простят меня

высшие силы за расшатанную нервную систему. Я честно мысленно давала им шанс прекратить это.

Не дошло.

Порывисто встаю под изумленный взгляд Лизы.

Подхожу вплотную к парочке, уворачиваясь от летящих туда-сюда ног.

Сажусь в соседнее от парня кресло.

И очень громко прямо ему на ухо:

— Я бы на твоём месте ей не верила. Слишком ненатурально стонет.

От неожиданности парень едва не скинул девушку с колен, как строптивый жеребец всадника. Та успела схватиться за спинку кресла, чтобы не упасть.

Вместо ответа парень ухмыляется и изящно проводит пальцем по губе, видимо, чтобы стереть остатки слюней.

— Что, сестренка, завидуешь? — хрипло интересуется Егор, поворачиваясь ко мне в профиль.

Глава 11

Егор

Страсть как ветром сдуло, мне даже холодный душ так не помогает.

Пришла... Не смогла усидеть на месте моя несносная сестрица.

— Ты ее знаешь? — шипит Татьяна, встряхивая каштановыми волосами и злобной гадюкой смеряет взглядом Нину.

Я уверен: голос Лисы я узнаю из тысячи. Немного детский и в то же время нежный, мелодичный. А когда злится, ее голос становится взрослее, объемнее.

И ох как она разозлилась. И ох как разозлился я! Желание придушить несносную девицу растет с каждым движением ее язвительного язычка!

Хотя теперь посматривает испуганным кроликом на нас с Татьяной. Не ожидала, что мы в кино будем.

А я заметил Нину с мачехой еще во время обеда. И как перещелкнуло. Захотелось пересечься с ними, насолить как-то. Да все повода не было.

Татьяна как раз хотела присмотреть себе подарок на Рождество, поэтому мотала меня по магазинам в поисках того самого. И про эту скучную комедию ныла, дней десять уламывала пойти на премьеру, ведь здесь играет такой каст.

Вот мы у кассы, а несколькими рядами впереди Нина и

Лиза. Утыкаюсь в телефон, чтобы меня не заметили, и пропускаю, на какой сеанс они взяли билеты. На комедию соглашаюсь сразу. Почему-то не сомневался, что женщину выберут именно этот фильм. Почему-то все девчонки текут с Райана Гослинга.

Лиса тоже его фанатка? Тоже втайне мечтает о невозможном?

Какие вообще парни ей нравятся?

На меня, краша школы, она с обожанием еще не смотрит. Но мы это исправим.

— Знаю, — тягуче подтверждаю, забивая гвоздь в крышку гроба Нины, потому что Татьяна теперь будет ее одноклассницей. — Мармеладка моя, познакомься, это Нина, крестная мачехи.

— Мармеладка? — фыркает сестренка скептически. Вот-вот пальцем у виска покрутит.

— Татьяна, — девушка царственно кивает, устраиваясь удобно на моих коленях.

— Я хочу нормально фильм посмотреть, так что можно без полного погружения? — вежливо интересуется Нина, проигнорировав знакомство. Я так и слышу, как молоток ударяет по еще одному гвоздю ее гроба. Мармеладникова терпеть не может, когда ее игнорируют. Ее-то, королеву школы!

Попала ты, Лиса, по самую макушку. Королева школы обид не прощает.

— Ну, с полным и не получится, — Татьяна заговорщески шепчет, поправляя клетчатую юбчонку, и подмигивает Нине. Та вспыхивает, поняв намек.

— У-у-у, мы тебя смутили, малышка? — добавляю я. Яркий кадр осветил зарумяненное лицо Лисы, и мысли мои скользнули в ненужное русло. Когда эта девчонка последний раз с кем-то целовалась?

Ее аккуратный маленький ротик все еще близко. Разрывает между желанием кусить или, что мне совсем не нравится, поцеловать еще глубже, чем Татьяну.

— Меня смущают только парни, которые залезают по утрам в мою постель, а это так, мелочи, — парирует Нина. Встает, отряхивается, как от грязи, и уходит на свой ряд с гордо поднятой головой, предоставив мне разбираться вмиг заинтересовавшей Татьяной.

— О чем это она? — подозрительно прищуривается девушка. Хотя про фильм мы уже давно забыли, весь зал заржал, и мне стало любопытно почему. — Между вами что-то есть? Она же тебе не родственница кровная.

— Ты ее видела, детка? Кожа да кости, — фыркаю ей в ушко. Как бы не зацепить ее огромные круглые серьги и не оторвать ей это самое ухо ненароком. Меня все больше пугают женские боевые прикиды под названием “я собралась на свидание”.

— Не знаю, не знаю, — сухо произносит Татьяна. Оценивает конкурентку и приходит к неутешительным выво-

дам: войне быть. В нашей школе сразу нужно показывать, кто главный, кто сильнее. За слабость — наказание. Не драки, нет. Дети депутатов и бизнесменов делают все намного изящнее. Как их родки.

— Не будем о ней, — предлагаю игриво, а самого взгляд притягивает гордо выпрямленная спина и хвостик, перетянутый милой резинкой с ромашкой.

— Так может, ты все таки согласишься поехать на дачу моих родков? Выходные же заканчиваются! Всего три дня осталось! — воркует Татьяна, накручивая темную прядку на палец с розовым маникюром. — Все поедут, — добавляет с укором.

Все — это не только мои ребята, но и Давид с его шайкой. В доме депутатской дочки должны собраться все более-менее полезные самцы. А если случится драка, тем интереснее — победит сильнейший!

С учетом моих шальных мыслей, лучше согласиться и проветрить голову. Заодно напомнить Давиду его место.

— Пожалуй, поеду.

Татьяна, удовлетворенная ответом, чмокает меня в губы и слезает с колен. Не стал ее удерживать.

В нашем классе двадцать парней и десять девчонок. Конкуренция лютая. В параллельном дела обстоят чуть лучше, но там занудные заучки с уклоном в физмат.

Любая более менее симпатичная девчонка будет нарасхват, в этом Татьяна права. А Лиса, хоть мне и не хочется

это признавать, лицом вышла. Да и фигурой тоже.

Нет, правда, скольких парней Павел Лисовский подпустил к своей дочурке? И подпустил ли вообще?

А если представить, что Нину никто не целовал? Никто не трогал?

Где бы она видела парней, если училась на дому, где бы с ними знакоилась? То, как она краснеет...

Голову как пулей простреливает. Что будет, если этот цветочек немного испортить? Есть ли у этой розы шипы вне тепличных условий?

Глава 12

Нина

К моему величайшему счастью, Егор свалил на три дня! А с ним и Лера! Целых три дня без них! В моей беспросветной тьме пробил лучик света.

Каждый день, ровно в час дня, я звоню по одному и тому же номеру и слышу один и тот же ответ. Внутри меня живет шип, и с каждым днем он все сильнее колет в области груди. Я просыпаюсь и засыпаю с одним единственным чувством: тупой болью.

А еще передо мной лежит груда учебников, новеньких, еще глянцевых, пахнувшей типографской краской. Правда, открывать их нет ни малейшего желания.

Здесь же простые белые тетрадки, аккуратный бежевый рюкзачок, в который вряд ли поместится больше одного учебника. Мне вообще таскать все на себе кажется дикостью.

Раньше мое обучение выглядел просто: в назначенный час ко мне приходили учителя или мы созванивались по скайпу, и мы занимались. Домашнее задание отправляла по электронной почте, пару раз сходила в какое-то учреждение, чтобы сдать экзамены. И всем было так комфортно. Зачем же изобретать велосипед и тащить меня в школу?

На этот вопрос Лиза категорически отвечает одно и то же: «Если встанет вопрос с опекой, будет странно, что директор

школы не взял к себе на обучение собственного опекаемого”. Дальше разговор заходил в тупик, потому что мне допускать такой вариант категорически не нравится.

Много, кто писал мне, узнавал, когда вернусь. Я проигнорировала все сообщения. Если хоть кто-то начнет расспрашивать дальше, не уверена, что выдержу морально.

Сегодня, сцепив зубы и сжимая в руках бежевую лямку, я стою у двери чёрного внедорожника дяди Кирилла.

Так, инсулин я взяла, тетрадки и ручки тоже.

Кажется, эти мысли я гоняю круг сотый.

Я никогда так не волновалась. Даже перед самым сложным танцевальным конкурсом меня, кроме страха, наполнял азарт и драйв. Сейчас же голова идет кругом.

Что будет, если я не волеюсь в коллектив? Если я не такая, как нужно?

Что будет, если мне не понравится самой?

Кто говорит, что его не волнует мнение окружающих, тот безбожно врёт. Мы все хотим принятия. Мы хотим, чтобы хотя бы один человек был на нашей стороне.

Одна мысль меня успокаивает: скорее всего, это ненадолго. Скоро родители поправятся, мы вернемся в нашу любимую квартиру, и это все покажется страшным сном.

Поэтому лучше быть просто собой. Все равно быть еще кем-то я просто не умею.

Дядя Кирилл привозит меня в школу за полчаса до начала занятий. Лиза сказала, что Егор и Лера в первый день при-

едут сами с той тусовки. Так даже проще.

— Егор или Лера найдут тебя сразу, как приедут, и все здесь покажут. Извини, мне нужно бежать, — бросает дядя Кирилл напоследок и уходит с парковки, предоставляя мне любоваться новой школой.

Здание со стороны кажется ровно квадратным, сложен из бордового кирпича и чем-то по стилю напоминает Амстердам. В больших прямоугольных окнах почти везде горит белый свет.

Сглатываю вязкий ком в груди и иду вперед: все же в тонких ботиночках холодно стоять на припорошенной снегом каменной дорожке. А еще очень и очень одиноко.

Зайдя в школу, сталкиваюсь со злобной охранницей с лицом бульдога. Она так внимательно смотрит, как я прохожу через арку металлоискателей, словно подозревает меня Бог знает в чем.

Где в этих школах вообще что? Мне куда? Где навигация?

Клочок бумаги, на котором написан список уроков на сегодня, мне ни о чем не говорит. Цифры обозначают просто номер кабинета или этаж?

Хотя сперва нужно найти гардероб. И я его нахожу всего лишь через пять минут скитаний!

На двери выгравирована изящная цифра "11", внутри вдоль стены растянулись шкафчики и пустые вешалки для курток. Под ними простые деревянные скамейки. Судя по отсутствующей одежде, я пришла первой.

Быстро переодев обувь и сняв куртку, вешаю их на первый попавшийся крючок. Шкафчики решаю не трогать, мало ли они все заняты?

— Тебе лучше перевесить вещи, это место Риты Соколовой, — раздаётся тонкий девичий голос откуда то справа, из полутени.

— И что? Здесь места индивидуальные? Или она особенная какой-то? — удивляюсь я. Если твоё, подпиши.

На свет выходит полненькая девушка, ростом едва ли больше полутора метров. Черные длинные волосы заплетены в две косички, а форма выглядит слишком тесной. На бледной коже веснушки, взгляд оливковых глаз добродушный и открытый, как у младенца.

— Сюда можно? — спрашиваю, перемешивая вещи на соседний крючок.

— Нет, это место Татьяны Мармеладниковой.

— Это?

— Валерии Гольдман.

И так на каждый дурацкий крючок! Причём часто хозяева дублировались.

— Куда же мне тогда вешать вещи? — вспыхиваю я окончательно.

— Вот, — девушка указывает на самую дальнюю стену, где на поломанном крючке висит клетчатое стеганное пальто. Рядом с ним такой же покосившийся, как старый дед, свободный крючок.

Времени остается мало, при случае сообщу дяде Кириллу о неисправности, а пока кое-как вешаю вещи.

— Я с одиннадцатого класса. Меня зовут Нина. Новенькая. Не знаю, куда идти. Покажешь?

Девушка судорожно кивает.

— Конечно! И я оттуда. Кстати, меня зовут Ася. Ася Пташкина.

Она добро улыбнулось, и это вмиг преобразило невыразительное лицо девушки в милое создание с картинки про ангелов. Мне стало теплее. И вот я уже не потеряна в этом мире, у меня есть первый союзник.

Только мы делаем шаг к двери, как она захлопывается перед нашими носами. Вырубается свет, и становится так темно, что я едва различаю силуэт новой знакомой.

А за дверью гогот и едва различимое:

— Скажи пароль, Индюшкина, и выйдешь.

Котики, извините за задержку, я встаю в ритм ;) Завтра и послезавтра проды будут тоже скорее всего днем :)

Глава 13

— Я не знаю, Рита! — отчаянно взывала Ася.

— Так, не ныть! — лихорадочно гаркаю я.

— О, Индюшкина, ты там не одна? Ну, так даже веселее. Может, не просидишь здесь три часа. Ой, это что, звонок?! Прости, малышка, нам пора на урок. Как пришлешь ответ, мы вас откроем, — последние слова девушка пропела громче звонка. Раздается щелчок замка как символ разрушенных надежд.

Хоть опыта у меня в таких делах нет, понимаю, что биться в дверь как минимум больно, как максимум бесполезно. Надеяться, что охранница-бульдог услышит и придет на помощь, не хочется. Она уже как-то допустила сложившуюся ситуацию и не в первый раз. Не чиста эта дамочка на душу.

Вариант два простой и с виду самый логичный: позвонить дяде Кириллу и пожаловаться на беспредел.

— Кто эта гадина, что дверь закрыла? Да и разве им самим не нужно вешать куртки? Всему-то классу? — мои слова эхом раздаются в темноте гардеробной.

Ася всхлипывает.

— Рита Соколова. А куртки свои они либо у десятиклассников оставят, либо в машины свои позакидывают. Проходили уже... Я надеялась сегодня проскочить...

— Не реви, — злюсь я.

— Я темноты боюсь... Даже фильмы ужасов не смотрю...

— еще громче всхлипывает Ася где-то в углу.

— Так вон окно есть, здесь немного светлее, — предлагаю мягче. Сама недавно паническую атаку еле сдержала, мало ли что Ася учудит. Я не знаю, какие у нее детские травмы.

Девушка ерзает у стены и громко дышит.

Так, дело плохо.

— Ася!

Включаю фонарик на телефоне и быстро нахожу скукожившуюся девушку со спрятанным лицом в коленях. Ее плечи судорожно поднимаются.

— Ну эй, — мой голос дрогнул. Как же мне жаль ее!

Теперь идея просто пожаловаться кажется мне еще более скверной. Ну уж нет, эта стерва Рита так просто не отделается! Война значит война!

— У меня есть идея, — хлопаю Асю по плечу. Только бы она рыдать перестала.

— Да? — она поднимает на меня зареванное лицо.

— Да!

Вскакиваю и быстро оказываюсь у окна, надеясь, что оно не закрыто. И вуаля, оно легко открывается. Даже не зарешечено, словно я не первая, кто решил покинуть гардеробную таким образом.

Дальше дело за малым. Пододвигаю скамейку, чтобы удобно было вылезать.

— Ну, вперед! — радостно сообщаю я, указав на соб-

ственное сооружение.

— Э, — только выдает Ася.

— Чего сидим, урок уже начался. Ты что, хочешь опоздать? — подбадриваю новую знакомую, хватаю ее подругу и толкаю к окну.

— Я же шею себе сломаю, я же неуклюжая, — пытается упираться она.

— Тогда подожди здесь. Я найду эту сучку и заберу ключ.

— Нет-нет, я с тобой.

Поскольку сидеть взаперти я не собираюсь, решаю покинуть плен первой. Благо что куртка короткая и дает возможность маневрировать. Если все делать аккуратно и не торопясь, можно даже не зашибиться. Наверное.

Не говорить же, что я делаю это все первый раз.

Ножки свесила, села и прыгнула.

В ступнях тут же отдает болью на несколько секунд, хотя приземлялась я максимально аккуратно: все же одиннадцать лет танцев мне что-то дали.

— Я тебя подхвачу! — обещаю я. Поддержки мы тоже делать учились.

— Я рада, что ты жива, — глухо бормочет Ася, отходя в тень. Наверное, собирается с мыслями.

— Ты что творишь! — раздается рядом голос.

Через кусты к нам движется парень, ловко перепрыгивая через преграды. Видимо, девочки не вылезают из окна каждый день. На нем расстегнутая кожанка, из-под которой вид-

неется белая футболка. Такое ощущение, что я его уже где-то видела.

— Совсем больная с окна прыгать? — ругается на меня он, поравнявшись.

— Я прыгаю, — одновременно с ним заявляет Ася.

Парень среагировать не успел, и Ася, шерстяной стеганой бомбочкой, сбивает его прямо в сугроб, как кеглю.

— Что за! — от шока он даже сказать ничего не может.

— Ой! — восклицает Ася округлившимися от страха глазами, а я быстро помогаю ей встать с пришибленного. С учетом того, что на нем всего лишь футболка и кожанка...

Парень вскакивает так же быстро, словно упал не в сугроб, а в огненную лаву.

— Прости-и-и, — тянет Ася.

— Чокнутые бабы! — рычит он, превратившись из доброго рыцаря в злобного дракона. — Пришел на помощь, называется.

И, отряхиваясь, он спешно удаляется в сторону входной двери школы.

— Зато ты не свернула себе шею, — глубокомысленно заключаю я, провожая взглядом черную куртку.

— Зато я чуть не свернула шею Денису Орлову, — со смесью разочарования и благоговения высказывается Ася.

Кошусь на нее. Стоит, покрасневшая, и преданной собачкой смотрит вслед своего спасителя. Ясно.

— Идем. На первый урок уже не успеем, так хоть на вто-

рой получится, — вздыхаю я. Нужно срочно придумать план мести.

Охранницы на входе нет, поэтому мы беспрепятственно заходим в школу. Куртки и сменку решено оставить в первом попавшемся гардеробе. Остаток урока проводим в столовой, где я цежу кофе, а Ася решает подкрепиться после пережитого стресса.

Звонок встряхивает мои нервы.

Сейчас увижу глаза этой стервы, а там решу, как ей отомстить. Ничего дельного в голову все равно не лезет. Тем более месть лучше подать холодной.

— Идем? — с надеждой спрашивает Ася, как только отзвенела первая трель звонка. Она отодвинула недоеденную булочку и готова сорваться с места.

— Нет, пойдем не спеша. Чего уж торопиться, — заявляю я. — Будем делать вид, что так и задумано. Только покажи куда.

Ася кивает. Аппетит у нее пропал, поэтому выждав еще пару минут, мы встаем из-за стола и идем на второй этаж.

Гогочущую толпу слышно издалека. И вот уже из-за угла виден угловой бежевый диван, где восседает их величества княгини этой школы. В самом центре с копной каштановых распущенных волос и белых гольфах восседает Татьяна. Она уткнулась в телефон и чему-то улыбается. По правую руку от нее с учебником сидит Лера. Ее белые волосы как обычно убраны в высокий хвост. Рядом с ней теснится парень и что-

то шепчет на ухо, а она от него отмахивается, как от назойливой мухи.

По левой стороне от Татьяны громко ржет тощая девушка с прямыми русыми волосами и поглаживает по колену развеселевшего от внимания Дениса Орлова. Впрочем, на его белой футболке, даже под пиджаков, виднеются разводы из-за воды. Уверена, женское общество его быстро согреет.

— Я должна немедленно уйти! — вдруг протестует Ася, резко останавливаясь. Она быстро разворачивается и спешит в противоположную сторону.

Надеюсь, нас еще не увидели, а то это будет совсем загубленная репутация.

— Стой, Пташкина, мы должны прийти вместе! — заявляю ей вдогонку, но Ася уже куда-то нырнула с несвойственной ей ловкостью.

Кажется, в эту дверь.

Я толкаю ее.

— Ася! — бурчу громко и замолкаю, оказавшись в полумрачном помещении, похожем на подсобку.

А на расстоянии пяти метров на парте сидит Егор. Все его лицо в кровоподтеках и свежих ранах.

Завтра беру один выходной. Затем проды планируются пять дней подряд.

Глава 14

Егор сразу же находит меня взглядом, тяжелым и мрачным. Помимо ран на лице, руки тоже пострадали, особенно костяшки. Такое ощущение, что он бил ими об стену или что-то очень твердое. Белая футболка запачкана грязью. Рядом на стуле аккуратно висит синий пиджак.

Наверное, в подсобках часто бывает беспорядок, здесь же царит настоящий хаос: под ногами валяются швабры и ведра, у стены перевернуты стулья.

— Ты?

Меня пригвозждает к двери, заставляя прижаться к ней плотнее, столько эмоций вложено в это слово. Удивление и разочарование как минимум.

Заглянула на свою голову! Лучше не видеть, не быть участником. Тем более Егора я на дух не переносу. Все в нем меня отталкивает, особенно непомерное чувство собственной важности. Думает, что ему все можно, что его все боготворят.

Легче всего дать заднюю.

Однако...

— Кто тебя так? — раз скрываться смысла нет, да и сбегать из подсобки тоже, иду вперед. Всего на пару шагов, потому как продвигаться здесь непросто.

— Тебе-то какое дело? — выплевывает он треснувшими

губами.

— Никакого.

— Вот и вали.

Грубо. Я так не привыкла.

— Тебе раны обработать надо, инфекцию подцепишь, — тихо произношу, развернувшись к двери. Я не буду терпеть к себе такого отношения.

— Скажешь хоть слово отцу, пожалеешь, — доносится в спину, когда касаюсь пальцами холодной ручки.

— Пф, что ты мне сделаешь? — Не сдерживаюсь и вновь разворачиваюсь, насмешливо глядя на Егора.

Он намек понимает быстро.

Вскакивает резко, а я, вместо того, чтобы уйти, просто смотрю, как грациозно он движется даже после потасовки, перешагивая через многочисленные препятствия. Не отпускает ощущение, что он занимался то ли танцами тоже, то ли боевыми искусствами. Не может человек от одной природы так идеально двигаться.

Расстояние между нами быстро сокращается. Егор делает лишний шаг и прижимает меня к двери мощным телом. От него пахнет кровью и свежим одеколоном. Странное сочетание. И какое-то опьяняющее...

— Поверь, я легко сделаю так, чтобы ты чувствовала себя в этой школе изгоем, — обещает он, наклоняясь ниже. От его наглости и дерзкой ухмылки короля жизни у меня адреналин зашкаливать начинает.

— Испуга-а-ал, — хрипло хмыкаю я ему в губы. Меня окутывает мрачная энергия, будоражащая. Она колетса на кончиках пальцев. — Мне все равно, что обо мне думают другие.

— Да-а-а? — его горячая рука властно ложится на мою талию, прижимает к себе крепче, поглаживает. Я словно оголенный провод. От каждого микродвижения меня прошибает током. Сердце гулко колотится, здравый смысл отказал, замкнуло, как только я оказалась один на один с Егором. Я чертовски хочу вырваться из этой близости и одновременно до боли хочу остаться.

— Именно. У меня в отличии от тебя нет слабостей. — Вру. Конечно же, безбожно вру, потому что слабостей у меня множество. Начиная от иррационального страха перед фильмами ужасов, заканчивая новеньким перед машинами и бешеной скоростью. Конечно же, Егору об этом знать не нужно. Бровь скептически выгибается.

— И какая же у меня слабость?

— Твое чрезмерно раздутое эго. Поверь, если ты перейдешь мне дорогу, я сделаю все, чтобы тебя унизить перед всеми. — Облизываю губы. Они сухие и слишком чувствительные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.